

Случай на выставке

Моррис Фернандез

В семье Агирре очень любили всякое искусство, музеи, историю и прочие вещи. В семье Фернандез к искусству относились спокойно, могли годами не ходить в музеи и не видели в этом ничего страшного. А потом два представителя этих семей встретились. Влияние матери Лауритты было очень сильным, и сеньор Фернандез старался не пересекаться со своей тещей. А вот Лауритта не могла отказаться от семьи, и малышке Яреци приходилось иногда, отдыхая в Испании, посещать всякие разные музеи.

Может, поэтому она и захотела связать свою жизнь с искусством. Моррис помнит, как его дочурка не могла оторваться от созерцания картин Врубеля и Верещагина; помнил, как читал записи в дневнике и ходил к директору. Потому что Яреци всегда оставалась в залах Верещагина и Врубеля и изучала "Апофеоз войны", пока остальные пытались познать картину Иванова. Потом все забили на эту странность.

А потом дочка сказала, что хочет стать художником.

Моррис не общался с дочерью уже несколько месяцев. Он только написал ей сухое смс с днем рождения, и больше не звонил и не писал ей. О ее жизни он узнавал от Тору, с которым сохранил хорошие отношения. Потому что Тору был опекуном Кимико, которую Моррис так любит...

И вот теперь Моррис ходит по залам галереи, где в одной комнате выставлены картины современных начинающих художников, в том числе и его дочери, что было очень неожиданно. Его никто не приглашал, он вообще узнал об этом чисто случайно. Как же он оказался в Китае? По работе. А потом, разобравшись со всеми делами и купив в зоопарке игрушечную панду для приемной дочери, он пошел в музей. В тот самый, в котором шла выставка. Он удивился, узнав, что там висят работы дочки. Еще больше удивился, когда узнал, что сегодня первый день, открытие, и начался небольшой фуршет. Выпивка - это то, что привлекло мужчину больше, чем творчество дочери. А посему он, побродив по галерее и найдя нужный зал, сразу направился к столу, взял фужер с шампанским и встал около стены, думая, с какой женщиной познакомиться. Их было много, а силы были уже не те. Он усмехнулся, представив реакцию Жюли, если он ей изменит. Но он просто поболтает с ними, это же не запрещено...

Дарсия Давенпорт

После расставания со Стефано в монастыре оставаться было ужасно сложно. Дарсии там едва ли не всё напоминало о том, как она здесь была счастлива, а потом своими же руками умудрилась всё разломать и по ветру пустить. Вопреки уговорам юноши, ни в чем разобраться не получалось, Дарси только сильнее закидывалась на Стефано, на своей к нему любви и на том, как он от неё отказался. Поэтому вдруг пришедшее от Яреци приглашение посетить выставку в Пекине оказалось очень кстати. Увидев в этом возможность развеяться, Дарси тут же ухватилась за эту идею. Отпросилась у мамы, отказалась от братского

сопровождения и отправилась на встречу с подругой.

Выставка с порога оглушила Дарсию обилием картин, людей и полным отсутствием Яреци. Утешая себя тем, что подруга, естественно, не караулит её возле входа, но наверняка скоро объявится, Дарси поправила на плече сумочку и побрела вдоль картин, рассматривая их все по очереди. Сперва ничего не выделялось, картины как картины. Потом один маленький пейзаж, сперва казавшийся серым и непримечательным, вдруг бросился девушке в глаза. Словно зачарованная, Дарси подошла ближе.

На маленьком холсте был изображён берег пруда пасмурным вечером, весь испещренный дождём, так, что даже холст казался влажным. И среди этого непрерывного серого дождя по поверхности пруда яркими вспышками плыли белые лилии. Дарси так и прилипла к этой картине, даже дышать забывая. Мимо ходили другие посетители выставки, её толкали, а она все стояла, прикипев взглядом к этим белым лилиям, и даже не пыталась заставить себя хотя бы на шаг отойти.

Моррис Фернандес

Некоторое время мужчина стоял молча, лишь изредка поднося к губам фужер с игристым, чтобы сделать глоток, покатасть и насладиться вкусом и ароматом. Он любил Францию, не любил только лягушек, которые были так популярны в этой стране. Но он был мексиканцем, и все-таки гуакамоле было привычнее, чем фуа-гра. Он мотнул головой, чтобы перестать думать о работе. Только несколько часов назад закончился двухдневный международный семинар для шеф-поваров и управляющих. В этот раз Моррису никто не составил компанию, так как Юлиана пока не была готова надолго уезжать без ее Хиро, а Сэтоши первый раз настойчиво отказывался ехать в Китай. А он надеялся, что Маргарита с сыном уедут в свой монастырь и заберут с собой Сэтоши, который, по мнению Морриса, перестал отдыхать, от слова "совсем".

А, ладно. Он допил игристое и поставил фужер на стол. Потом решил рассмотреть картины. Было четыре художника, и среди них была его дочь. Моррис рассматривал картины Яри, которые были достаточно интересные. Немного мрачные. От этого стало тяжело на душе. Потому что он понял, что совсем не знал свою дочь. Он не знал, что творится в ее голове, он не спрашивал, а она и не рассказывала.

Мужчина хмыкнул и продолжил изучать работы. Около одной картины стояла девушка. Моррис посмотрел на нее. Ему показалось, что это подруга Яреци, которая была на свадьбе, правда имени он не помнил. Она, кажется, была чем-то расстроена. Мужчина взял два фужера шампанского и подошел к ней. Протянул один ей.

- Мне нравятся эти формы, а вам, сеньоритта? - сказал он с улыбкой на лице.

Дарсия Давенпорт

Удивительно было, что к Дарсии, истуканом застывшей перед картиной, кто-то пожелал подойти и заговорить. Сама девушка бы в себе в эти минуты потенциального вменяемого собеседника ни за что не признала. Незамысловатый пейзаж зацепил её накрепко, самое сердце стиснул и отпускать не желал. Чем дольше Дарси смотрела на картину, тем сильнее ей казалось, что этот пруд, весь шершавый от ряби мелкого дождя, и пронзительный белый цвет этих лилий

выхвачены прямиком из её памяти, из драгоценного воспоминания, которое Дарси теперь только и могла что хранить, едва ли имея впредь шансы на повторение чего-то подобного.

Она стояла и смотрела, и даже начинала уже понемногу расклеиваться, когда мужской голос вырвал её из печальной задумчивости.

- Что? Формы? - растерялась было Дарси. Но, обернувшись к говорившему и после краткого мига недоумения узнав в нем отца Яреци, девушка расслабилась и с заметным облегчением ответила: - О, сеньор Фернандез, это вы! А я не знала, что Яреци вас тоже позвала. Ой, нет-нет, что вы, поить меня не надо,- смутилась Дарси, увидев протянутый ей фужер с шампанским. В прошлый раз, когда она пила, кончилось плохо - тем кончилось, что она начала навеселе увиваться вокруг Маркуса и, как следствие, имела теперь что имела: вдребезги разбитые и испорченные отношения со Стефано. Лучше было не повторять. Продолжая смущаться, Дарси, понятия не имея, как должен выглядеть подобный жест, чтобы не казаться невежливым или грубым, как можно осторожнее попыталась отодвинуть от себя искрящийся бокал. И поспешила перевести тему, интересуясь: - Сеньор Фернандез, а вам какая картина на этой выставке больше понравилась?

Моррис Фернандез

Моррис отставил фужер на стол и пожал плечами. Судя по тому, как девушка стала говорить, он сделал вывод, что у нее в жизни случилось что-то неприятное. А что может быть у молодой красивой девушки неприятного кроме расставания с парнем. Даже Юка Одагири в свои тринадцать лет переживает из-за того, что мальчик в классе, который ей нравится, на нее не смотрит.

- Лилии, говорю, очень красивые, не находите, сеньоритта? - Усмехнулся мужчина, отпивая шампанское. - Нет, меня Яреци не приглашала, я случайно сюда зашел. Я последнее время не общаюсь с ней.

Он поморщился и, услышав вопрос про картины, сразу решил перевести тему разговора. Стал рассматривать другие картины.

- Вот это, - он подошел к одной темной картинке, на которой был изображен дуб с раскидистыми ветками, прорисован был каждый листочек, а под ним стояли две фигурки - мужская и женская. Моррис подумал, что это как раз фигурки дочери и Тору. Это, насколько мужчина знал, была их первая встреча. - Вот эта нравится.

Он замолчал, подумав, что не знает, что творится в душе дочери. Допил шампанское и убрал фужер. Потом посмотрел на девушку и улыбнулся. Протянул ей руку, чтобы она могла опереться.

- Не желаете осмотреть галерею? Тут много чего интересного есть, или вы хотите повидаться с художником? - Он улыбнулся и подмигнул.

Дарсия Давенпорт

Не приглашала?...

- Лилии - да. Я бы сказала, очень пронзительные, - согласилась Дарси, одновременно с удивлением думая о том, что же такого могло случиться, что Яреци даже отца своего никуда не позвала и не пригласила. Будь у неё, у Дарсии

возможность рисовать и свои картины на выставках показывать, она бы первым делом всю семью созвала, чтобы видели и гордились. Но у Яреци, как это часто случалось, видно, все оказалось сложнее, и с подобными приглашениями у неё не ладилось. Дарси даже хотела сперва сообщить вслух, что вот лично она бы обязательно позвала и маму, и братьев - но вовремя спохватилась, смутилась и ничего подобного произносить не стала. Вот ещё не хватало, принижать подругу таким способом.

Сеньору Фернандезу оказалось под силу наконец переключить внимание девушки с заикливших её на себе лилий, и Дарси следом за мужчиной подошла к другой картине. На которой уже не было этой серой темы дождя, а был изображён дуб и двое под ним - но более светлой и радостной эта картина все равно не казалась.

- Какие они здесь... одинокие, - тихо сказала Дарси, разглядывая картину. Вроде бы и двое, а все равно словно каждый сам по себе, каждый в своей тени. Словно на разных планах существования - цвета, которыми были выписаны фигурки, почему-то натолкнули Дарсию именно на эту мысль. И следом: Боже, да что же у Яреци в жизни случилось, что она такие тяжёлые и мрачные картины рисует. Может, конечно, одно с другим никак не связано - но вдруг да?

Наверное, самое время начинать бить тревогу.

- Знаете, сеньор Фернандез, лично я бы поискала художника. Надо же выразить свое восхищение, - заявила Дарси, отрываясь от картины. И с надеждой уставилась на отца Яреци: - Вам случайно не известно, где её найти?

Моррис Фернандез

Под картинами была подпись "Яри Фер", и мужчина поморщился. Он знал, что в Японию они не приезжали и не разводились, и дочь пока еще носит фамилию мужа. По последним данным, что ему как-то рассказал Рикардо, дочь и Тору помирились. Нормальным примирением это назвать было сложно, но они хотя бы стали иногда встречаться и вместе спать. Уже хорошо. Может быть, когда-нибудь станет что-то иначе в их отношениях.

Моррис помнил, как его брак чуть не полетел ко всем чертям. Но тогда они были старше, ему было тридцать семь, когда он сделал предложение своей Лауритте, потом они поженились и переехали по работе в Россию. Первое время Лауритта пыталась все разрушить, и, в конце концов, ей это удалось. Нервы она потрепала и себе, и ему. И Яреци. Моррис мотнул головой, чтобы избавиться от этих мыслей.

- Да, одинокие. Она всегда была одинокой, и никто этого не замечал. Наверное, безразличие. Нельзя быть безразличным к судьбе тех, кто дорог, как думаете? - Спросил он. - Нет, я не знаю, где ее можно найти, и, если честно, я не хочу пока с ней видеться.

Он подумал, что не знает, о чем разговаривать с Яреци, если они встретятся. Сейчас, осознавая, что упустил что-то в воспитании дочери, он стал больше времени проводить с малышкой Одагири, стараясь подарить ей родительскую любовь, которой у нее долгое время не было. Они по вечерам разговаривают, смеются, играют, и девочка не чувствует себя одинокой и ненужной.

- Тут есть тарталетки, давайте ограбим стол и наедемся? Или молодые девушки ничего не едят? Как же вы живете-то, это скучно, наверное? - Он усмехнулся и,

поманив за собой девушку, пошел к столу, на котором стоял поднос со всякими закусками. Их осталось мало.

Дарсия Давенпорт

- Дорогой человек не может быть безразличным. Это как точки на разных концах оси. Знаете, как иногда говорят: противоположность любви - не ненависть, а равнодушие. Если пришло безразличие, значит, никто уже никому не дорог, - тихо возразила Дарси. Её эти незамысловатые рассуждения немедленно навели на невеселые мысли и сбили с первоначального намерения найти Яреци. Хотя удивляться происходящему, конечно, Дарси не переставала ни на миг; более того, её изумление только росло с каждой минутой.

- Не хотите её видеть - в смысле, вообще? Совсем? - глупо переспросила Дарси, оторопевшая от такого откровения. - А почему? Что произошло? - Ей было сложно вообразить себе, что она могла бы натворить такого, чтобы мама пожелала перестать видеть её лицо и забыть его напрочь. Совершенно нет вариантов, ничего в голову не шло. А тут, гляди-ка - хорошие, взрослые, умные люди именно этим и занимаются. - У Яреци что-то случилось? - Боже, неужели опять с Мотидзуки-саном поругалась? Или что-то с Кимико? Или всё вместе? Ох, сколько же неприятных вариантов в голову приходит.

А сеньор Фернандез, он... ничего, ел.

- Ну что вы. У нас, у молодых девушек в жизни такие страсти кипят - настоящие американские горки. То вверх, то вниз, тут совсем не до еды, даже выдохнуть порой некогда, - заявила Дарси. Она пока шла за сеньором Фернандезом к столу, но не потому, что её манили разрекламированные тарталетки, а лишь чтобы быть вежливой и не орать на весь зал, продолжая разговор. - Как по мне, это даже грустно, когда все развлечение заключено в еде. Так что же, выставка вас больше не интересует? Я имею в виду, необеденная её часть?

Моррис Фернандез

Рассуждения девушки ему показались забавными, и он слабо улыбнулся. Хмыкнул, задумавшись о чем-то своем, и пожал плечами. Потому что, как ему казалось, равнодушия и безразличия у любящих людей быть не может. Люди либо любят друг друга, либо нет. Если любовь перерастает во что-то другое, то это проблема в них самих. Значит, они и не любили. По крайней мере, один. Моррису казалось, что Яреци не любила Тору, раз поступила с ним так. Она вообще никого не любила, и этим она была похожа на Лауритту. Лаура тоже никого не любила. Это была просто детская привязанность. Полюбила она Морриса только в конце своей жизни.

- Что же вам, молодым девочкам, не живется спокойно? - Пробурчал он. - Что же вы любите искать себе приключения, а потом страдать от выдуманных чувств, сказанных слов и сделанных поступков?

Он задумался. Яреци, наверное, хотела, чтобы он пришел, но боялась говорить об этом. Моррис сердился на нее из-за того поступка, но он не знал, о чем с ней говорить, если они встретятся. Он пока не был готов ни прощать ее, ни слушать ее. Он примерно знал, что она расскажет, но в этом случае он все равно был на стороне Тору. Потому что если любишь, то не будешь уходить в секту, бросив мужа и дочь. И не будешь орать, что ненавидишь их. А Яреци занималась именно этим.

- Скажем так - пока я не готов прощать ее. Она совершила не очень хороший поступок, на который ее муж не смог закрыть глаза. Сейчас они живут по отдельности. Некоторое время назад они хотели развестись... Ну почему, интересуется, конечно, но одно другому не мешает, ведь так? Да и что такое открытие выставки? Не просто походить посмотреть на картины, а поговорить с кем-то, выразить свое признание авторам, поесть. Завтра картины останутся, но ничего этого уже не будет. Держите, - он протянул девушке тарелку, на которой были несколько тарталеток.

Дарсия Давенпорт

- Не надо, пожалуйста, все сваливать на молодость. Как будто взрослые люди безгрешны и никогда не ошибаются, - защитилась Дарси. Она полагала ужасно несправедливым вот так все упрощать и сплющивать. Мол, дурак, потому что молодой. Дурак - значит, дурак, от этого прожитые годы не особенно-то и защищают. И вообще, чем дольше продолжался разговор, тем сильнее Дарси убеждалась, что они с сеньором Фернандезом, похоже, очень по-разному смотрят на мир и едва ли смогут прийти к какому-то любовному согласию.

Да еще все эти жуткие намеки относительно Яреци и ее какого-то страшного, непростительного поступка, которые никак не помогали направить разговор в спокойное русло.

- Сеньор Фернандез, что случилось с Яреци? Что она натворила? - настойчиво повторила Дарси. Чем дальше, тем сильнее она чувствовала беспокойство, и от очередной раз предложенной ей тарелки с тарталетками девушка отмахнулась совсем уж невежливо. Из разрозненных отрывков пояснений сеньора Фернандеза картина складывалась не просто тревожная, а архитревожная: и с отцом-то Яреци поругалась, и с Мотидзуки-саном она разошлась, причем дело чуть до развода не дошло...

Боже. Это что же такого надо было сделать, чтобы одним поступком вот до такого состояния себя довести?

- Видимо, мне придется все-таки пойти и поискать Яреци. Раз вы, сеньор Фернандез, предпочитаете ограничиваться трагическими намеками, а потом уходить от прямых вопросов, - заявила в итоге Дарси, чувствуя, что здесь она вряд ли дождетя чего-то, кроме очередного предложения припасть к еде и пошатнуть себе тонкую линию талии. И двинулась прочь от стола, даже близко не представляя себе, где сейчас искать Яреци, но надеясь, что ей уж как-нибудь повезет.

Моррис Фернандез

- Не надо так нервничать, сеньоритта, - усмехнулся мужчина, останавливаясь и внимательно глядя на девушку. - Я ни в коем разе не хотел вас оскорбить своими наблюдениями, - он склонил голову и улыбнулся.

К столу подошли люди и разобрали последние тарталетки. Моррис проводил их грустным взглядом и задумался о несправедливости жизни и мира. А потому он не услышал, как Дарсия сказала, что хочет искать Яреци и сама у нее все выведывать.

- Всего доброго, сеньоритта, - растерянно пробормотал он девушке вслед и направился в другую сторону. Вышел из одного зала, прошел по другому залу. Хотелось напиться, и он вышел из музея и отправился в отель. Наверное, надо было

остаться там и посмотреть на Яреци. Но он пока совершенно не знал, о чем с ней говорить. Поэтому он просто решил отложить все разговоры "на потом".

Яреци Фернандез

До самого последнего дня Яреци не хотела идти на выставку. Она отправила приглашение Дарсии, пригласила Юншена с Янлин, а в последний день не была уверена, что хочет видаться с кем-то. К тому же, она пригласила их смотреть ее картины, а не смотреть на нее. Разговаривать она ни с кем не хотела, и до последнего момента не хотела никуда идти. Но Ли уговорила ее пойти на выставку, и она приехала в музей через несколько часов после открытия. Из подъезда выходил человек, очень похожий на ее отца, и она вздрогнула. Он не обернулся и ушел в другую сторону. Девушка вздохнула и вошла в музей. Сняла с себя куртку и стала медленно подниматься по лестнице. Вошла в зал, где выставались картины. Встала у стены и прикрыла глаза.

Одиночество продолжалось недолго. К ней подошел мужчина, в котором она узнала коллекционера, который на прошлой выставке приставал к ней. По спине прошел холодок, и она сглотнула. Мужчина ей что-то сказал и ухмыльнулся. А потом грубо взял ее за руку и поцеловал тыльную сторону ладони.

- Я восхищен вашим талантом, сеньоритта, - сказал он. - Вы дадите мне пару уроков? - Сказал он и, еще раз хитро ухмыльнувшись, ушел.

Он не приставал к ней, так как им негде было уединиться. Девушка чувствовала, что он злится и боялась, что не сможет дать ему отпор, если останется с ним одна. А если он будет ее караулить? А если он похитит ее? Ведь тогда не от кого ждать помощи. Почему она не стала останавливать папу? Видел ли он ее картины? Она глубоко вздохнула и прикрыла глаза.

Дарсия Давенпорт

Расставшись с сеньором Фернандезом (с которым разговор как с самого начала не заладился, так потом и шёл вкривь и вкось, все хуже и хуже), Дарси какое-то время бестолково бродила по выставке, совершенно среди картин заблудившись. У неё толком ни на ком сконцентрироваться не получалось, ни одного лица выхватить, что уж говорить о том, чтобы Яреци найти. Катастрофа какая-то.

Понимая, что с каждой минутой брождения среди картин она только сильнее и сильнее запутывается, Дарси решила взять небольшую паузу. Тайм-аут, как в хоккее говорят. Выйти к самому началу выставки, там дать глазам передохнуть, привести голову в порядок и с новыми силами бросаться на поиски подруги.

Вот только весь этот масштабный план оказался излишним, потому что у самого входа на выставку Яреци неожиданно и нашлась.

И даже не одна.

Увидев отирающегося возле Яреци мужчину, Дарси озабоченно нахмурилась. И сперва вообще успела себе нафантазировать, что это человек не случайный, а какой-нибудь пригожий кавалер, из-за которого семья развалилась и рассыпалась. Правда, почти тут же Дарси разглядела на лице Яреци неуютный испуг - и, устыдившись своих своих мыслей, рванула спасать подругу от нежелательной компании.

Что не пригодилось, потому что мужчина уже уходил сам. Однако это вовсе не было

поводом останавливать свой разбег.

- Яри! Здравствуй! - воскликнула Дарси, подбегая, и немедленно, с разбегу заключила подругу в объятия. - Ну, что же ты, как ты? Что за ужасы мне тут про тебя твой отец добрых пятнадцать минут рассказывал?

Яреци Фернандез

Хотелось все бросить и позвонить папе, попросить, чтобы он вернулся и побыл с ней. Мысль о том, что мистер Дэмирис может воплотить в жизнь ее страхи, заставили ее вздрагивать. А вдруг он действительно подкараулит ее вечером, затащит в какой-нибудь переулок? Маркуса рядом не будет, а больше никто помочь не сможет. Почему же папа ушел?

Наверное, надо переступить через свои страхи, гордость, да еще черт знает что, и позвонить папе. Но ведь он сам ей не звонит, он сам не хочет общаться. Тору однажды сказал, что у папы все хорошо с семьей, новая девочка его радует, и Яреци не была уверена, что своим присутствием нужно напоминать о себе. У нее есть Тору и Кимико, а прошлое... оно должно остаться в прошлом. Может быть, у папы нет больше времени на нее, и он не горит желанием видаться с ней.

Она так и стояла, погруженная в свои невеселые мысли, как вдруг на нее кто-то налетел, ее обнял, и она услышала голос Дарсии.

- Привет. А что он тебе говорил? - Спросила она с интересом.

Дарсия Давенпорт

Пока стояла в одиночестве, Яреци прямо-таки воплощала собой живое олицетворение печали. Но стоило Дарсии налететь на нее с объятиями и начать тарыхтеть, как лицо подруги заметно преобразилось. Вся печаль была немедленно куда-то спрятана, поглубже и понадежнее, Яри начала улыбаться и изображать интерес - но Дарсию никак не оставляло ощущение, что никуда ее печаль не изгнана, просто замаскирована улыбкой.

И опять же, делиться с Дарсией причиной такой тоски никто не собирается.

- Наговорил целый ворох жутких намеков, - сердито сказала Дарси, потому что весь этот густой туман чего-то жуткого, который вокруг нее старательно нагоняли, уже понемногу начинал раздражать. - И совершила ты что-то ужасное, вопиющее, и разговаривать он с тобой не хочет, и прощать тебя - тоже. И Мотидзуки-сан, мол, тоже совершенно тебя прощать не собирается. Яри, что случилось-то? Хоть ты можешь мне рассказать? Твой отец так нагнетает, я уж начинаю думать, что ты своей дочке голову отрубила ради какого-нибудь темного ритуала. И все такое прочее, - заявила Дарси, пытаясь этой беспомощной шуткой хоть сколько-нибудь разогнать атмосферу. Ну не может же всё быть так страшно? Правда ведь? И Дарси с нетерпением ждала от подруги подтверждения, что да, на самом деле все именно так, не так уж и страшно, просто родственники драматизируют. Но, как назло, ничего подобного Яри говорить не спешила. Как специально мучила.

Яреци Фернандез

Девушка молча слушала подругу, и она даже позволила себе лёгкую улыбку, когда Дарсия предположила про ритуал с отрубанием головы. Хотя Дарсия не

догадывалась, как близка она была к истине, и Яреци не знала, что говорить, чтобы это казалось нормальным. Хотя она не была уверена, что это хоть немного может быть нормальным.

- Папа всегда драматизирует, - сказала девушка, хмыкнув после непродолжительного молчания. - Но сейчас я могу сказать, что он не так далёк от истины. Я... - Она осмотрелась. Папа точно больше не вернётся, и Тору тоже не придёт. - В общем, мы с Тору расстались. Сначала расстались, потом помирились. Сейчас всё более-менее нормально. Но из-за этих проблем я написала картины. Я научилась писать картины, в прошлом конкурсе даже заняла третье место и получила сертификат на обучение в одном из вузов мира. Сейчас потихоньку пишу картины и стараюсь радоваться возможности... быть известной.

О картинах и профессиональных качествах говорить оказалось проще, чем вспоминать о причинах развода с Тору. Хорошо, что он не состоялся, а то она не была уверена, что сейчас была бы здесь. Развод для неё означал одно - деление ребёнка, испорченная жизнь дочки. Тогда, наверное, ей было бы проще исчезнуть из их жизни. Воспользоваться сертификатом и навсегда уехать отсюда. Забыть монастырь, семью, папу. Но сейчас всё вроде бы было не так плохо. И с Тору они вроде разговаривали, и даже пытались наладить быт. Только было видно, что они будто бы стали чужими друг другу. И Яреци стала меньше разговаривать и старалась не плакать. Она уже давно не плакала.

- А ты успела что-то посмотреть? Здесь не только мои картины, но и други ребят из моего института.

Дарсия Давенпорт

- Все-таки драматизирует, да? - переспросила Дарсия, готовая было уже обрадоваться - ну вот, не так всё страшно, как сеньор Фернандес накручивает! Но следующие же слова Яреци показали, что нет, ничего подобного, радоваться ещё рано. И дальше Дарси, замирая, слушала предельно лаконичный и сжатый рассказ о том, как Яреци разошлась с Мотидзуки-саном. Собственно, примерно в этих двух словах рассказ и состоял, и последовавшее дальше столь же лаконично "потом помирились" для Дарсии не прояснило примерно ничего. Помириться, оно по-разному можно.

- Да что же у нас с тобой такое происходит, с этими мужчинами! - огорченно сказала Дарси. И осторожно попыталась вызнать: - Но ты говоришь, вы помирились - это значит, теперь у вас всё по-прежнему? Или нет? - Впрочем, тут же закралась испуганная мысль, что Яреци, может быть, неспроста рассказывала столь сжато, и Дарси поспешила дополнить: - Нет, ты не рассказывай, если не хочешь! Если это тайна, то я пойму, тогда я лезть не буду, - и с ученической прилежностью Дарси постаралась переключиться на другую тему. На предложенное подругой обсуждение выставки.

Получалось плохо, честно говоря.

- Ой, Яри, ты знаешь - да я в живописи очень поверхностно разбираюсь, - призналась Дарси. И обернулась на несколько мгновений, с сомнением окидывая взглядом выставку: - По-моему, я успела только тот блок осмотреть, где твои картины висят. Ну, до того, как на меня набросился твой отец и сильно озадачил. Ты прекрасно рисуешь. У тебя очень красивые картины получаются, правда. Но, Яри...

они же все такие грустные? Или я неправа?

Яреци Фернандез

- Нет, ты не причём, - она вздохнула. - Я могу рассказать тебе, только, если честно, не знаю, что именно. Полгода назад мы поссорились с Тору. Точнее, я просто ушла. Мне было плохо, а он собирался на работу и не смог со мной поговорить. И я... попала в тотальную секту.

Она посмотрела по сторонам и встретила взглядом с коллекционером, который к ней некоторое время назад приставал. Он хитро ухмыльнулся и облизнулся, и от этого по спине девушки прошла нервная дрожь. Она сглотнула и протёрла лицо руками. Нельзя показывать вида, что что-то происходит. Ей всё равно никто не поверит и никто не спасёт её, если ей будет угрожать опасность. Главное, чтобы Дарсия не была в это втянута.

Коллекционер куда-то ушёл, и девушка снова посмотрела на подругу. Убедившись, что никого рядом нет и никто не услышит её рассказ, она продолжила:

- Потом я оттуда ушла, мне помогли оттуда уйти, но оказалось, что я потеряла Тору. Он собрался со мной разводиться. Мы жили по отдельности, и я вернулась в институт. Весной была первая выставка. Я в конкурсе заняла третье место. Странно, что в этот день мне позвонил Тору. И сейчас мы живём вместе. И... вроде бы у нас всё нормально.

Дарсия ухватилась за картины, но как-то неохотно, и Яреци внимательно на неё посмотрела.

- Ну, сейчас они более весёлые, чем были на первой выставке. Я стараюсь писать красивые картины и оставлять в них частичку себя. Я... мне приятно, что тебе нравится моё творчество. Я рада, что ты пришла, - она улыбнулась и обняла подругу. - Давай уйдём? А то сейчас надо будет фотографироваться и разговаривать. Вон, телевизионщики приехали. Пойдём погуляем где-нибудь?

Коллекционер не спускал с неё глаз, и она захотела уйти, надеясь, что он не будет следить за ними. К тому же к нему кто-то подошёл.

Дарсия Давенпорт

Зная, как Яреци порой вдруг словно выпрыгивает из осточертевшей ей манеры поведения и совершает полудикие, непривычные для неё поступки, Дарси заранее настраивалась на то, что сейчас услышит нечто неожиданное. Но даже так Яреци умудрилась и в этот раз удивить её до предела. Услышав про секту, Дарси едва голос не потеряла от изумления. И только и смогла что пораженно пискнуть: - Куда? Ну уж нет, такие вещи не делаются потому только, что кто-то с кем-то не поговорил. Дарси подозревала, что на самом деле всё было куда как серьезнее и одним несостоявшимся разговором дело не ограничивалось, но настаивать и докапываться не стало. А ну как раскопает сейчас какой-нибудь скелет, которому уж давно полагается лежать в могиле и тихо тлеть. Нет, спасибо, не надо.

- Ну, то есть вы в итоге не развелись. Это хорошо, - подытожила Дарси. Правда, по голосу Яреци она не чувствовала, что произошло окончательное примирение и что

все вернулось на круги своя - но хоть не разбежались окончательно в разные стороны, и то неплохо. У самой Дарсии, вон, и того не вышло.

- Что же было на первой выставке, если сейчас они ещё радостные, - пробормотала было Дарси себе под нос. Но тут же спохватилась и улыбнулась: - Красивые, очень. Смотрю на них и понимаю: я сама так точно не нарисую, даже если в лепешку расшибусь. Замечательно у тебя выходит, - правда, Яреци уже печалили телевизионщики. И Дарси покорно согласилась: - Хорошо. Давай уйдём, если ты хочешь. Я не против. Куда предлагаешь спрятаться от камер? Есть идеи?

Яреци Фернандез

Ее откровения были выслушаны молча, и это было хорошо. Краткие комментарии она решила оставить без ответа, лишь кивнула на моменте, когда Дарсия подытожила, что у них все хорошо. Яреци улыбнулась и отстранилась от подруги.

- На тех картинах была моя боль и страхи. Дядя сказал, что они были очень красивые. Их купили. Одну картину купил этот тип, это знаменитый коллекционер, Константин Демирис. Или Дэмирис. Дядя его называет кобелем, он пристаёт ко всем, - шепнула девушка. А потом подумала, что Дарсия не знает ее дядю и решила уточнить:

- Дядя Рикардо подавал нам кольца на свадьбе. Если тебе интересно.

А потом она подумала, куда можно пойти. Галерея была огромная, но ей казалось, что это неправильно. Ведь она участник выставки, а не просто посетитель. А вдруг с ней захотят поговорить.

- Я думаю, можно пойти в кафе. Тут недалеко есть кафе, я угощаю. Ты расскажешь что-нибудь. А по поводу того, что ты не умеешь рисовать - это нормально. Не все умеют рисовать. У тебя есть какие-то другие таланты, в которых ты преуспела. - И она внимательно посмотрела на подругу. А потом увидела, как к ней подошли коллекционер и фотограф, и Яреци вздохнула. - Не успели. Эх, подождешь меня? - и она ушла с ними фотографироваться.

Дарсия Давенпорт

- Твоего дядю я видела, я помню, да, - чуть рассеянно подтвердила Дарси. Её мозг всё ещё с разбегу спотыкался о фразу про боль и страхи. Было что-то несправедливое в том, что именно страдания признавались красивыми и стоящими внимания, а нежный штиль тихого счастья казался пресным и никому не интересным. Впрочем, это, наверное, всегда ценишь уже после того, как безнадежно упустишь. Дарсия вот оценила - как одну из высших драгоценностей, теперь только оценила, когда уже хватала руками рассыпающееся сухим песком и никак удержать не могла.

План, согласно которому девушкам полагалось блистательно ускользнуть и отправиться в ближайшее кафе, чтобы там продолжать беседу, в итоге так и не воплотился в жизнь. Девушки замешкались, обсуждая то свои печальные поступки, то картины, и в итоге не успели убежать. Нарисовавшийся рядом фотограф начал требовать от Яреци выразительных поз как от участницы выставки, и Дарси покорно отошла в сторону, чтобы не портить кадр. Она жестом постаралась дать подруге знать, что никуда не уйдёт и дожждётся её, после чего принялась скромно топтать

паркет возле одной из картин, от нечего делать разглядывая изображённый на полотне рассекающий море парусник. И время от времени Дарси оглядывалась через плечо, проверяя, скоро ли конец фотосессии и как там вообще дела у Яреци.

Яреци Фернандез

Девушка вздохнула, когда Константин слишком уж навязчиво взял ее за талию. Внутренне напряглась, когда почувствовала его ладонь не там, где она должна быть. Хотелось ему врезать или наорать на него, но она продолжила улыбаться и смотреть в камеру. Потом выстроилась очередь из желающих сфотографироваться с ней, и она посмотрела по сторонам. Ей показалось, что Дарсия ушла, но нет - она стояла недалеко и изучала, а может просто делала вид, что изучала, картины. Облегченно вздохнув, она вернулась к своим обязанностям как участник выставки.

Вообще, это было очень необычно, но достаточно интересно. Страх перед камерами прошел, и она чувствовала себя более раскованной, чем была раньше. И это ей нравилось. Нравилось, что люди ценят ее работы. А к вниманию привыкают почти все. Сначала тяжело и непривычно, а потом от этого получаешь эмоции и счастье, и тебе становится очень приятно, прекрасно и хорошо. И ты не можешь без этого жить.

Она не думала о том, как на это будет реагировать Тору, будет ли разрешать ей фотографироваться с коллекционерами и деятелями и ценителями искусства, да и просто с простыми людьми. Потом решила, что ничего он ей не будет позволять, и любая фотография с посторонним человеком вызовет в их семье скандал. Но ведь если он не будет присутствовать на выставке, то будет совсем сложно. Она вздохнула.

Фотосессия длилась минут пять, но это время ей показалось вечностью. Наконец, от нее отошли, и она вернулась к подруге.

- Спасибо, что дождалась меня. Пойдем? Как ты, рассказывай? - она воровато оглянулась и направилась к выходу.

Дарсия Давенпорт

Периодически оглядываясь через плечо, Дарсия думала о том, что с Яреци фотографировались, кажется, лишь немногим более вяло, чем с рок-звездой, и удивлялась этому факту. Надо же, а она и не знала, что в Пекине так много и сильно любят современное искусство. Или, может, так - не многие, но зато уж те, что любят, делают это со всем рвением? Непонятно, тут поди разберись ещё. Но как бы там ни было, а с Яреци в любом случае отчаянно фотографировались, как с ярмарочным медведем, и Дарсии только и оставалось, что терпеливо ждать. И проверять время от времени, что никто не позволяет себе лишнего. Подспорье из неё, конечно, выйдет небольшое, но уж кинуться в драку за честь подруги она всяко сумеет. А там уж как получится.

Не понадобилось драки.

- Вот это я понимаю, популярность! Скоро с тобой плакаты будут продавать такими темпами, только успевай подписывать, - улыбнулась Дарси. Освободившуюся подругу она взяла под руку, всем своим видом стараясь показать, что теперь она претендует на Яреци, а преданные фанаты могут перетоптаться и подождать

немного. Правда, почти тут же всплыла тема "как ты живёшь, что у тебя нового", и Дарси закусил губу, решая, зарыдать подруге в жилетку или не стоит.

Нет, пожалуй, это всё-таки будет лишним. Ни к чему Яреци ещё и чужие проблемы.

- А что я? У меня нормально все, - заявила Дарси, стараясь не слишком отчётливо фальшивить. - Вот, учусь. Никак на младшего мастера всё не выучусь. Позор семьи, да и только. Меня от показательной порки спасает лишь то, что у братьев успехов ещё меньше. А ты как, в монастырь возвращаться планируешь? Хотя бы в гости? Или непонятно пока?

Ну да, ну да. Лучший способ не проболтаться - отодвинуть разговор от себя подальше. Так, что ли?

Яреци Фернандез

- Ой да ладно, это не популярность, - усмехнулась девушка. - Держу пари, лни завтра забудут и обо мне, и о картинах. Даже о том, что были на выставке. Они идут сюда потому что здесь есть выпивка и закуска. Настоящих ценителей искусства очень мало.

Они вышли на улицу, и Дарсия стала рассказывать о себе. Что у нее все хорошо, она хочет стать мастером, но у нее не получается, и в этих словах чувствовалась какая-то фальш. Как будто у нее что-то случилось, но она не хочет ни с кем делиться своими проблемами и бедами. Яреци слабо пожала плечами и решила не навязываться. Все равно она ничем не может помочь, да и никто не просит ее о помощи.

- Понятно, - протянула она, когда Дарсия закончила говорить. - Надеюсь, у тебя получится стать мастером. Главное, чтобы у тебя получилось преподавать. Вот у меня не получается. А что касается монастыря, я пока не знаю. Одной туда ехать нет желания, а у Тору пока нет возможности. Но как только возможность появится, мы обязательно приедем.

Она остановилась и внимательно посмотрела на подругу.

- У тебя точно все хорошо?

Дарсия Давенпорт

Услышав от Яреци пассаж о том, что на выставку большая часть народа ходит ради закуски и выпивки, Дарси сперва едва не споткнулась, а потом с подозрением уставилась на подругу. Она, кажется, догадывалась, откуда у этой сентенции ноги растут, да и вообще начинала подозревать, что это нечто семейное.

Действительно, зачем ещё ходить на выставки, как не затем, чтобы выпить бокал шампанского и заесть тартелеткой. Это ведь так логично. Не в кафе же за этим идти, в самом-то деле.

- Преподавать пока вообще страшно пробовать, - отмахнулась Дарси, старательно уходя от неудобной темы еды и картин и охотно переползая к чему-то более нейтральному. - Я самой себе-то некоторые вещи объяснить не могу, куда уж к другим с объяснениями лезть. Ну и опять же, знаю ещё недостаточно. Но спасибо, что веришь в меня. Это очень, очень приятно, - и Дарси слегка порозовела.

А потом тут же побледнела, когда вспомнила, как нежно в неё всегда верил Стефано, а разговор стремительно свернул к больной теме.

- Я? Нет, почему же, у меня... все не более чем в порядке, наверное, - суетливо промямлила Дарси. И до боли закусила губу, решая, поделиться ли с Яреци своей бедой.

Наверное, всё же, стоит, потому что оно сидит в груди раскаленным сгустком горя, и никак выхода не найдёт себе, хоть попробовать выплакать его, что ли - и Дарси на одном дыхании выпалила: - Мы расстались. Со Стефано. Он попросил меня уйти. Сказала вслух, и даже не умерла. Пока что.

Яреци Фернандез

- Я тоже не уверена, что смогу научиться преподавать. Разве только каллиграфию или офуда. Я в них немного разбираюсь, и эти науки немного очищают сознание. Также как ментальная магия.

Хотя менталкой она уже почти не пользовалась, точнее сказать, не пользовалась вовсе, было что-то другое, чем можно было заняться. К этой способности она до сих пор относилась с опаской и понимала, что слишком слаба. Раз тогда Дарсия смогла с легкостью сломать ментальный щит, который она постоянно укрепляла, то что можно сказать про сегодняшнюю Яреци Мотидзуки, которая не смогла воспользоваться ментальной магией, когда это было необходимо. И она не уверена совсем, что когда-нибудь сможет заниматься преподаванием ментальной магии или ее изучением.

А вот последующее признание подруги, сказанное на выдохе и чуть ли не скороговоркой, заставило девушку остановиться и посмотреть на Дарсию.

- Как расстались? Почему? Давай присядем, и ты мне все расскажешь? - спросила она и повела подругу к скамейке, после чего опустилась на нее.

Дарсия Давенпорт

- Расстались вот. Мы больше не вместе, - почти что на автомате повторила Дарсия. Разрешив себе эту печальную тему, она почти тут же провалилась в своё горе с головой, опять начинала его смаковать и остановить себя не умела. Очень быстро Дарси перестала даже соображать, куда именно её ноги несут, понимала только, что Яреци, надавливая ей на локоть, умело куда-то её ведёт и в конце концов усаживает её на скамейку.

На которой с лёгкостью можно было расплыться окончательно, превратиться в неразборчивую кляксу. Дарси задержала дыхание, словно это могло помочь ей справиться с силами - ну, должно было.

- Мы расстались, потому что я глупа, - наконец выдавила из себя Дарси. Она не чувствовала в себе сил углубиться в детали и потому очерчивала картину произошедшего широкими мазками, самыми общими фразами. - Ах, Яри, я так ужасно, убийственно глупа! Я говорила ему отвратительные, жестокие вещи - и самое страшное в том, что это все было ложью. Я наговорила ему много-много жестокой лжи, - попыталась объяснить Дарси. Ну, не наговорила - написала. Велика ли разница. Даже, наверное, ещё хуже, когда все её дурные слова оказались запечатаны на бумаге. - Конечно, он после этого не захотел меня больше видеть. Он прав, я на его месте сама бы не захотела себя больше видеть, - Стефано, правда, говорил какими-то другими, бесконечно более деликатными и правильными словами, но Дарси внутренне объясняла себе его поведение именно так. - Яри, я не

знаю, что мне теперь делать. Я люблю его, всё равно люблю.

Яреци Фернандез

Дарсия села на лавочку, и это, наверное, стало каким-то спусковым крючком к тому, чтобы все рассказать. Яреци внимательно слушала ее, не перебивая, и осторожно поглаживала по спине одной рукой. Вторую руку положила на ладони девушки, чтобы не болталась без дела. Почему-то в памяти всплыл момент, когда она так же сидела со своей одноклассницей на лавочке на школьном дворе и утешала ее из-за неразделенной любви к учителю английского языка. Тогда ей было лет двенадцать, и, кажется, с тех пор прошла вся жизнь.

Странно, что никто ей не помог, когда Паша разорвал на ее глазах подарок ко дню рождения, который она очень долго готовила. И только тот самый учитель английского вернул ей веру в себя. Он тогда был единственным человеком, кто просто поделился с ней ее болью. И Яреци была очень сильно благодарна ему.

И сейчас, сидя рядом с Дарсией, она старалась оказать ей какую-нибудь поддержку.

- Ох, Дарси, - пробормотала девушка, когда подруга закончила говорить. - Я... не знаю, что тебе посоветовать. Может, это к лучшему? Ты молодая, красивая, у тебя все еще будет хорошо, ты будешь счастлива, - выпалила она и сглотнула.

Дарсия Давенпорт

Дарси сидела и глубоко-глубоко, размеренно дышала, стараясь не зареветь. Слезы ей ещё ни разу не помогали, а в последний раз, так, кажется, и вовсе только хуже сделали, и сейчас их проливать ни к чему. Яреци молча гладила подругу по спине, и её молчаливая поддержка успокаивала, немножко привязывала к твёрдой земле и помогала понять, что жизнь ещё не закончилась.

Правда, предположение о том, что у неё ещё все будет дальше, но уже без Стефано, по-прежнему не казалось девушке хоть сколько-нибудь обнадеживающим.

- Яри, я не знаю, - призналась Дарси и вцепилась в протянутую к ней ладонь подруги, крепко держась за неё. - Я так к нему привыкла! Что он рядом. Такой тёплый, такой надёжный, так меня любит... знаешь, теперь без него все время как-то пусто. Его уже давно рядом нет, а я все продолжаю его глазами искать. Всё надеюсь, что вот он сейчас появится, подойдет ко мне, и будет все по-прежнему. Яри, я не уверена, что научусь быть счастливой без него. Я не знаю, как его разлюбить, - в глазах Дарсии юноша по-прежнему оставался едва ли не воплощением любви, самым дорогим и лучшим, что она могла найти в этой жизни. А она своими руками все разломала, разбила и выкинула. Винить даже некого, кроме самой себя.

Дарси огорченно шмыгнула носом. И, считая, что хватит уже вываливать на Яреци свою печаль, попыталась пободрее спросить: - Ну да ладно, чего это мы все обо мне. Мы ведь шли куда-то? В кафе, кажется?

Яреци Фернандез

Некоторое время было молчание, а потом Дарсия будто бы попросила совета, что ей делать дальше и надо ли что-то делать. И Яреци не знала ответы на все эти вопросы. Потому что она сама была в такой ситуации, хотя, возможно,

останавливало ее от окончательного разрыва с Тору наличие Кимико. Ей пришлось очень рано стать матерью, она совершенно не была к этому готова, и ей нужна была поддержка и, наверное, какая-нибудь подсказка. Но кто давал ей подсказки? Мама, как только узнала о беременности дочери, перестала с ней общаться. И не общалась до последних дней жизни. Родня Тору? От среднего брата и жены старшего брата было только презрение, мать Тору с самого начала была против их отношений. Папа был далеко. Тору ее никуда не отпускал, даже когда она захотела отправиться в другой монастырь за новыми знаниями... был скандал, они поругались.

- Нет, не ладно, - ответила девушка, когда подруга вспомнила про кафе. - не надо замалчивать проблему. Вот именно, что привыкла к нему. Я тоже привыкла к Тору, влюбилась в него как глупая мелкая девчонка, потеряла голову от него. Но я очень быстро залетела и... побоялась делать аборт. Иногда, сидя в своей маленькой квартирке, я думаю, что было бы лучше, если бы я тогда послушала маму и уехала к ней. Было бы намного проще. Но сейчас у меня есть Тору и Кимико, и я не могу отказаться от них. Никогда не смогу, хоть он мне и предлагал. Может, это глупо, но... ты еще молода, у тебя вся жизнь впереди, а первая любовь редко бывает счастливой и с хорошим концом. Я думаю, ты еще найдешь принца, который полюбит тебя.

Яреци села полубоком, повернулась к Дарсии и взяла ее за руки. А потом улыбнулась. Искренне и нежно.

- К тому же он мне не понравился, какой-то он... порочный, что ли. - Она закусил губу и опустила глаза. Наверное, это было лишним.

Дарсия Давенпорт

Яреци наверняка добивалась своими рассуждениями не этого эффекта - но, услышав слова про ребёнка, Дарси глубоко задумалась. На миг ей показалось, что она нашла выход. У них со Стефано этого связующего звена никогда не было - но, быть может, еще не поздно попытаться его создать? Может, она могла бы попытаться предложить юноше себя в таком ключе и готовностью иметь ребёнка доказать свое желание снова быть с ним вместе?...

Ай, нет, все это тоже ни к чему не приведёт, потому что Стефано ей больше не верит.

- Разве это так плохо, что привыкла? - возразила Дарси. Ей, наоборот, казалось, что это как раз замечательно, что привычка создаёт новые связующие узы в дополнение к любви и отношения становятся лишь крепче. Хотя сама девушка, конечно, исхитрилась сделать ровно наоборот. - Ты говоришь так, словно это ужасно - что кто-то становится частью твоей жизни настолько, что ты изо дня в день неизменно его принимаешь и ему веришь. По-моему, напротив, это замечательно! Конечно, когда ты пытаешься что-то построить, а не наоборот, все сломать. - И, конечно, первая любовь только в сказках бывает со счастливым концом, но Дарсии очень хотелось, чтобы у неё именно так и вышло. Чтобы её первая любовь всё длилась и длилась, яркая и тёплая, и не кончалась никогда. Девушке даже и пытаться искать себе другого принца не хотелось. Вон, попробовала уже один раз. Кончилось катастрофой.

Но тут Яреци под села поближе и с доверительной улыбкой сообщила, что Стефано

на самом деле ей никогда и не нравился, да ещё и обозвала... Дарси даже мысленно повторить это слово побоялась - таким грязным оно ей показалось.

- Яри! Ты что! - возмущённо воскликнула Дарсия и вырвала у подруги свои ладони. - Ты это сейчас говоришь о Стефано? О человеке, которого, на секундочку, я люблю! С чего ты вообще взяла, что мне сейчас будет приятно это услышать? Забери свои слова обратно. Очень тебя прошу. Никакой он не... вот что ты там сказала. Он изумительный.

Яреци Фернандез

Кажется, ее совет, хотя какой совет может дать запутавшаяся в жизни девчонка, не имел никакого эффекта. Ей в очередной раз показалось, что она все делает неправильно и не имеет никакого права давать советы. А уж когда Дарсия вырвала руки и попросила ее забрать свои слова назад, сказанные об отношении к Стефано, ей вообще показалось, что сейчас они поссорятся и больше никогда не будут разговаривать.

- Извини. Я не знаю, что тебе посоветовать. Я не буду отказываться от своих слов, и... я не думаю, что если бы не моя беременность, мы с Тору сейчас были вместе. Может быть, у тебя еще не все потеряно? И... ты забудешь его?

Поняв, что сказала ересь, и Дарсия может обидеться, она вздохнула и подальше отодвинулась от подруги. Потом посмотрела перед собой, на проезжую часть, и снова вздохнула. Сейчас Дарсия уйдет, и она сама будет во всем виноватой.

Дарсия Давенпорт

- Нет? - севшим голосом переспросила Дарси. Ей казалось, это должно быть очень-очень просто: Стефано для Яреци совершенно никто, и это справедливо, они же практически не общались никогда. Яри могла бы просто согласиться, что она погорячилась и недостаточно хорошо знает юношу для того, чтобы выносить столь резкие суждения, вот и вся сложность. Но вместо этого подруга неожиданно уперлась на ровном месте и заявила, что останется при своем и ничего в своих словах менять не будет. У Дарсии даже сердце обвалилось: почему, ну почему они обязаны ссориться, только недавно ведь помирились, кажется.

- Тебе-то откуда знать? - обиделась Дарсия и подорвалась со скамейки. - Ты с ним разговаривала один раз! Ну полтора! И столько же раз близко видела! Откуда ты знать можешь, какой он? Не знаешь, но судишь. Уверенно так, жестко. Знаешь, что это меня обидит, и все равно настаиваешь на своем! Зачем, Яри? Ну прошу тебя, объясни мне, зачем? Неужели так сложно сказать, что ты погорячилась? Или хотя бы притвориться? Для меня? Для нашей дружбы? Или это только я думаю, что дружба еще есть, а для тебя на самом деле это все ничего не значит? Яри, пожалуйста, объясни мне, потому что я, кажется, уже перестаю что-либо понимать, - печально заключила Дарси. Ей это казалось ужасно, ужасно несправедливым: почему следом за любимым она сейчас обязательно должна лишиться подруги? Что и когда она сделала настолько неправильно, что теперь так жестоко наказана?

Яреци Фернандез

Как она и ожидала, Дарсия вскочила со скамейки и чуть было не ушла. Хотя если бы не ее монолог, то она бы ушла, но тут необходимо было высказать наболевшее.

Яреци вздохнула и тоже встала со скамьи. Посмотрела подругу и опустила голову, задумчиво кусая губы. Она не хотела отказываться от своих слов, так как, если слухи, что Стефано, встречаясь с Дарсией, спал с другой девушкой, показывали, что он действительно порочный. Хотя она не могла толком ничего сказать про то, где именно, когда и от кого слышала об этих слухах, но они имели место быть. Вряд ли она придумала это.

Яреци знала, что сама не будет изменять Тору, даже если они разведутся. Как только они стали жить по отдельности, она пошла в институт, и у нее появился солодой человек. Правда максимум, что она позволяла ему - это поцеловать ее ладонь. Ни о каких поцелуях и даже обнимашках не было и речи. Потому что она хранила верность Тору. Потому что тогда Тору не изменил. Он не изменит ей, и она не изменит ему.

А вот про Стефано она не была так уверена. Хотя папа смог удержать маму, чтобы она перестала изменять ему (о первом годе брака ей как-то рассказывал папа), то и у Дарсии получится, если она будет мудрой.

Яреци взяла подругу за руку и слабо улыбнулась, заглянув в ее глаза.

- Ладно, извини. Я была неправа, ты не обязана меня слушать. Я постараюсь тебе быть опорой и поддержкой, и, если нужно будет, то и жилеткой побуду. Как и ты для меня. Только давай не будем ссориться? - она тепло улыбнулась.

Дарсия Давенпорт

Ещё несколько ужасных секунд Дарсии панически казалось, что на этом - все, уж точно дружбе конец. Что сейчас они с Яреци окончательно расплывутся, разбегутся каждая в свою сторону и никогда больше подойти друг к другу не захотят, и десятифутовой палкой прикоснуться - тоже. Но время шло, катастрофы все не случилось, а потом - потом Яреци встала со скамьи, взяла Дарсию за руку и с мягкой улыбкой извинилась.

Боже, какое же облегчение. Девушке на миг даже показалось, что из неё вынули позвоночник, так её расслабило, стоило уйти нервному напряжению.

- Спасибо, - выдохнула Дарси и бросилась подруге на шею. Крепко обняла, неловко сгорбилась, утыкаясь лицом в так своевременно подставленное плечо Яреци, и сумбурно забормотала: - Яри, милая, спасибо. Спасибо тебе. Это легче, это теперь не так больно, если ты со мной. Я уже потеряла любимого, я не хочу терять ещё и подругу, я не знаю, что у меня тогда останется, если и ты уйдёшь. Яри, я все сделаю, чтобы мы продолжали дружить, клянусь тебе, я на все пойду, только бы ты продолжала меня подругой считать, только скажи, что мне нужно делать, - Дарси бормотала и постепенно сбивалась на тоненькие, испуганные всхлипы. Почему-то этот миг, в который получилось удержать ещё одни ускользающие из рук отношения, удержать и пока что сохранить, не только сил девушке не придал, а наоборот, словно последнюю опору у неё из-под ног выбил.
